

Траур по человеку,
которым не стану

ЕЛИЗАВЕТА ДОМЕНСКАЯ

18+

Елизавета Доменская Траур по человеку, которым не стал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71318428

SelfPub; 2024

Аннотация

"Траур по человеку, которым не стал" – произведение, которое нужно прочитать дважды. Смысл существования, познание мира и себя, цели, приоритеты, ценности, оправданность, счастье, надежда, мечты, любовь, дружба, семья, боль, страхи, вина, ненависть, война, смерть, одержимость, законы, умения, желания, выбор, судьба, чувства и их отсутствие, самолюбие и саморазрушение, принятие, спасение, отторжение, воспоминания, привязанность, ложь, лицемерие, отрицание, гнев, торг, одиночество, страдания, влечение, люди, разум, безумие, кошмары, творчество, науки, литература, музыка, наивность, безрассудство, истина, глупость и мудрость, товар и цена – здесь об этом всем.

Елизавета Доменская

Траур по человеку, которым не стал

От издателя к читателю

Только лишь спустя некоторое время после гибели моего приятеля мне удалось найти собрание его записей. Казалось, он хотел похоронить их вместе с собой.

Пыльные, разорванные черновики его трудов были обёрнуты тонкой, хлипкой верёвкой, подписаны обыкновенным «Е., Л.» и спрятаны на уровне сердца под пиджак, в каком он был в день своей смерти.

Неизвестно, как долго он так пролежал. Первые сведения о его несчастье разнеслись лишь в узких кругах, и те приходились ему незнакомцами, которые только и шептали о несчастном, сошедшем с ума. Никто не жалел, никто не сочувствовал: все разве что смеялись о достигнутой цели.

По его позе мало что можно было с точностью определить. Перед смертью он не был напуган, измучен, либо же зол: вид указывал скорее на смирение и готовность. На груди его спрятались потрёпанные листы, прикрытые, будто с защитой, левой рукой.

Глаза закрыты, а длинные ресницы, чёрные и густые, как и прежде, украшали его на первый взгляд безжизненное лицо. Лишь одна из них лежала на его щеке: перед смертью он плакал.

Вопреки произошедшему, лицо его не было ещё более мёртвым, чем обычно. Отличало его лишь подобие улыбки: один уголок рта был чуть выше второго. Волосы убраны, галстук по всем правилам завязан, туфли протёрты до блеска: весь этот порядок противоречил комнате.

Облезлые стены, протекающий потолок и скрипящий, грязный пол отражали содержимое его текстов. То, что скрывалось за отпаренным костюмом, можно было найти в этом доме. Здесь он творил, вёл свои записи, какие послужили то ли спасением, то ли забвением.

Откажусь я от упоминаний обычных характеристик мест, где мёртвый человек лежал забытым и ненужным, ведь подобное вы и сами в силах представить. Намного больше смертью отдавало то, что он созидал здесь при жизни.

Я знал его, как истинного героя, поневоле ведущим всех за собой, и доброта его сердца развеивала весь окружающих мрак, какого было столь много в одиноком городе.

К несчастью, тьма захватила его, бытующие нравы толпы испортили уникальную, неподдельную сущность. Тело, в котором годами бушевала не свойственная никому более искренность, отныне безжизненно лежало на разорванном диване.

Родные прежде надежды не отражались нигде. Говорили, ему не доставало могилы. Они ошибались. Вся комната и была своего рода кладбищем.

Мне приходилось слышать об этом дневнике. В нём, по его словам, находил он собственное отражение, не умея спасти себя по-иному. Все главы и записи, хранившиеся годами на его столе, представляли собой некую терапию. Он разговаривал с ними намного больше, чем с кем бы то ни было.

«Невозможным для меня кажется представить всю историю человеческой жизни на одном только языке слов», — упомянул он и, как ни странно, оказался прав. Тяжко повествовать о том, с чем не можешь разобраться даже на уровне чувств. Он никогда не говорил «я пишу книгу». Чаще всего он предпочитал этому «я пытаюсь разобраться с самим собой».

«Траур по человеку, которым не стал» — так он назвал последнюю свою работу. Впервые прочитав её, я навеки запомнил одну фразу: «Люди не замечают разрушение окружающих, пока оно происходит». Бедный мой друг, если б я только знал обо всех твоих бедах!

Будучи человеком необыкновенной мудрости, заключавшейся не в красивом слоге, но в принципах жизни, он вечно оправдывал каждого себе встречного, забывая о том, чтобы защитить себя. Доводы его временами наивны, однако и пылкость порождалась не глупостью, но святой верой. Не навязывая собственное видение, он приучал к свету всех, кто

знал его.

Я долгие годы не ведал того, что кроется в этих строках. Написание книги, как называл это я, подразумевало нечто более важное: он пытался найти выход.

История, ниже предоставленная вам, между слов хранит все тягости и прелести жизни, какие он только успел познать. Думал, как и всегда, он о том, что сумеет кому-либо помочь, возможно, оттого что сам никогда не был спасённым.

Семье было доложено об остановке сердца. Мне же было ясно о причине в разбитых его надеждах.

Если и существует смерть от избытка всех сторон жизни, это без всяких сомнений была она.

Смерть ради жизни или жизнь ради смерти.

Я часто в жизни наблюдал ярое противостояние «разума» и «тела», и здесь оно проявляется слишком ясно: когда «разум» хочет лишиться «тела», а оно, как паразит, его из последних сил не отпускает.

В конце от него не останется ничего.

Предисловие

Судьба моя вечно представлялась мне, как нечто недостойное всяческих упоминаний, ибо, как я уже успел убедиться, любые попытки взаимодействия с окружающим меня миром были тщетны. Однако и доминирующей надо мной

слабостью, коей я вовсе не стыжусь, была презируемая многими сентиментальность. Меня пленительно влекли чувства, идеи, мысли, пристрастия и мечты. Не равняясь с Аристотелем, я так же видел метафизику своим главным интересом. Явления, природа этих явлений, понимание мира, процесса его создания, умозрение, созерцание были движущим во мне механизмом, какой помогал воплощать наивысшую цель.

Средством же постижения сей цели представлялись, как ни странно, люди со всем присущим себе безумством. Одни бесконечно бежали к своему воображаемому смыслу, другие умиротворенно скитались, величаво считая, что никакого смысла нет вовсе. Мне лишь доставляло удовольствие обозрение тех одиноких миров, не замечающих истинной драгоценности. Быть может, я изучал людей, чтобы понять себя, быть может, для того, чтоб себя никогда не понимать.

Люди живут так, будто не собираются умирать, но и умирают, не успев пожить. В нескончаемом беге [непонятно — куда? Откуда?] начинает постепенно растворяться какой-либо мнимый финал, ведь мы убиваем себя работой и войнами для того, чтобы, по иронии, жить.

Страдания и скитания мои привели в конечном итоге к результату куда более правдивому. Я шёл к смерти, оставляя существовать свои прежние цели и, покончив с собой, отправил давно покалеченную душу мою впредь на благое дело, в коем царит правосудие, мне не подвластное, и выбор, на какой я уже не в силах повлиять. Ввиду гибели я не

имею права ораторствовать, выносить на всеобщее обозрение какие-либо доводы, признания и идеи, однако осмелюсь задать, хоть и самому себе, самый неуместный в подобной ситуации вопрос:

Почему же я желал собственную смерть?

ГОЛОД

I

– Люди готовы бесконечно бежать от уединения, будто ожидая вкусить нечто более стоящее. Мы родились в одиночестве – в нём и умрём. Невзирая на любовь и войны, на счастье и боль, верь только тому, что принадлежит тебе, Эспер*. А уверенным ты можешь быть лишь в самом себе.

Мы с отцом находились на веранде одного из его поместий, пересчитывая звёзды на небе и пытаясь найти в этом хоть долю смысла. На тот момент вся моя прежняя вера во что-либо заключалась в одном человеке. Он говорил с полной уверенностью то, в чём я боялся донине признаться даже в тишине. Миллионы слов, мнений и идей сплелись в некую невидимую нить, ведущую из ниоткуда – в никуда. В мире существовало лишь наше совместное созерцание того, чему тесно во всяком языке мира.

– Насколько же можно быть одиноким, день за днём наблюдая одну и ту же пьесу? – спросил я.

– Раз уж ты предпочёл не вставать с кресла, не менять ак-

тёров и музыкантов, заверю тебя в том, что наверняка это предельно утомительно.

– Где же мне искать других исполнителей?

Он в который раз продемонстрировал свою неописуемую ухмылку, значащую для меня собственную глупость в сказанном. Поднявшись, он ушёл вглубь сада, оставив меня провожать его недоумевающим взглядом. Чувствуя, что я всё же решусь догнать его, он добавил:

– Как счастлив ты был в прошлый раз, глядя на звёзды?

– Ни на цент. Я был несчастен.

– Что ты чувствуешь сейчас? – спросил он, будто заглянув в душу.

– Я не знаю, отец, – не сразу ответил я, – однако подобного чувства я не испытываю.

– И ты всё ещё считаешь, что не поднялся с прежнего кресла?

Как и всегда ранее, он за считанные секунды показал мне то, вокруг чего я долгие годы блуждал. Кресло... Всё это время я только вставал с кресла.

– Когда тебе говорят, что жизнь – результат твоего выбора, ты думаешь об образовании, семье и сорте травяного чая, – продолжал он, – однако, как бы ты ни хотел со мной спорить, жизнь и в правду подвластна лишь одному твоему желанию.

– Здесь ты ошибаешься. У меня никогда не было даже малейшего шанса на какой-либо выбор.

– А ты всё продолжаешь твердить мне про судьбу... Правда в том, что тебе действительно порой не под силу влиять на других людей, на их поступки и высказывания, но ты всегда выбирал свои ценности.

– Меня и в жизни не спрашивали о ценностях, потому что я был вынужден отдавать предпочтение тому, чем приходилось довольствоваться.

– Ценности характеризуют твоё отношение к происходящему: к тому, что ты называешь судьбой. В них хранятся цели, потребности, представления о жизни: то, что я называю отношением, восприятием этой судьбы. Люди умны тогда, когда ясно осознают, что имеют над этим власть. Ты можешь сбегать от боли, наслаждаться ею, не замечать или пытаться обыграть, но ты всегда будешь её главной причиной. Боль не появляется в событии, во времени, в действии: она образуется там, где есть человек, который готов её принять. Жизнь – это то, что ты выбираешь каждый день, то, что ты хочешь выбирать. Мы видим мир сквозь свою субъективную реальность, думая о том, что во всяком смехе есть счастье, а в провале – горесть. До нас жили люди, которые показали буквально, где добро граничит со злом, где нам должно быть радостно или тяжело, но если ты яро во что-то поверишь, ты будешь иронизировать по поводу смерти и страдать о победах. Мы не встречаем «не тех» и «не то», а сталкиваемся лишь с «не так». Осознай доминантность над собственным бытием, и тогда тебе не придётся желать несколько жизней

вместо одной.

– Мне тягостно принять то, что подсознательно я предпочитаю одиночество.

– Ты сентиментален, а не чувствителен, сын. Чувствительные люди не в силах причинить боли, в том числе и себе.

– Почему ты считаешь, что я поступаю так с собой? – ответил я чуть позднее.

Он посмотрел на меня с сожалением, заранее спасая от ответа.

– Ты всё ещё не сумел полюбить свой мрак, – добавил он.

– Я одинок, виновен и болен. В последнюю очередь я посмею принять себя.

– Лемаль* – как раз тот, кого и нужно принять.

Не ведаю, с чего наиболее предусмотрительно начать мою пресловутую аллегорию, ибо всякий жизненный путь, как бы тернист он ни был, начинает казаться пригодным для подобных писаний не в определённый момент времени. Для моего дальнейшего повествования следует отметить, что я отнюдь не являюсь героем. Достижения мои смело можно опередить, над провалами позабавиться, а принципы раскритиковать. Я и сам поступил бы так на месте каждого из вас.

Представлялось мне огромное количество случаев для осознания прежней глупости. Я ввек не был человеком умным, мудрым, да и тем, кто бы стремился к подобному, а потому и суждения мои без укора совести необходимо оспо-

ритель. Ныне мнения смертное тело не имеет, а всё, что есть у меня – пройденное, прожитое время, какое подлежит обязательной смене.

Древние ценности, к каким я также имею непосредственное отношение, вы можете воспринимать, как советы, законы, либо же нечто, обречённое на забвение. Так или иначе, вы выбираете собственного идола, а я в свою очередь им был не для всех и недолго.

В жизни за редким случаем встречается что-либо постоянное. То, что поначалу кажется нам достаточно объективным, в скором времени теряет свою непоколебимость и впредь является не более чем беспечным заблуждением. Однако довольно разумным выглядит то, что не существует в привычной для нас вселенной ничего бесконечного, ибо привычки вызывают лишь боязнь от них избавляться.

Неотъемлемой частью бытия является перерождение. Люди всегда изменяют себе прежним, опровергают мнения и высмеивают слабости. Такая чередованность существовала во все времена, по ней и происходят смены мыслей, эпох и культур людей. Будь позже хуже или лучше, это, на самом-то деле, значения никакого не имеет. Утопично – не меняться, останавливаться и зазнаваться, заявляя о своём превосходстве.

Мнимое счастье от безумства тем, кто считает себя человеком мудрым. Познание мира оказалось бы двигателем как минимум вечным. Мудрость невозможно постичь, ведь какая-либо объективность нашей вселенной не свойственна.

Люди не уверены в науках, искусстве: во всём, что является частью жизни. Я не признаю авторитетов ни в одном человеке, как и в самом себе, ибо вне зависимости от возрастов, различных принадлежностей и воззрений мы – всего-навсего, люди.

Кто-то покажется вам наиболее интересным, вовлечённым в конкретном аспекте, однако и в главном вопросе существования мы все не имеем никаких гипотез, по крайней мере, не абсурдных. Углубляясь в собственные приоритеты, человек сумеет приложить все силы к лучшему положению. Тогда обычно и считается он «умным».

Подобная характеристика абсолютно не привлекает меня. Разве за каким-либо умением, ответом скрывается тот самый общепризнанный «ум»? Почему же люди имеют познания в определённых темах, принимая что-то за наиболее или наименее важное? Различные теоретические сведения никогда не наделят вас интеллигентностью, воспитанностью или даже поведением в жизненных ситуациях.

Образование за редким случаем обещает какую-либо защиту. Я отнюдь не призываю вас избегать его, дорогие читатели. Не одна учёная степень потянет вас выше, но огромное, огромное их количество. Так же, как мы опираемся на книги: не единственная изменит вас, но множество правильно подобранных.

Я не презираю ум и обучение, но считаю их на каком-либо уровне бесполезными относительно важного. Люди многим

привыкли увлекаться, здесь и различные учреждения помогут вам, однако всё это – лишь ступень перед истиной.

Что наука, что искусство временно занимают наши головы, выполняя лишь некоторые малозначительные функции, ведь они не в силах привести нас к познанию большего. Проблема отнюдь не в их сути, но в очевидной невозможности этого.

Перед столь безрассудной идеей, как познание мира, стоит начать с мира куда меньшего масштаба, но отсюда не менее захватывающего – с самого себя. Разбирать сразу приходится обыкновенную теорию чувств. От неё и строится основное восприятие: то есть и ценности, и принципы, и взгляды, и верования.

Уверен, часто вы пытались прибегнуть к этому. Разнообразные рассуждения о собственных посылах, смыслах кажутся чем-то верным и порой даже мудрым. Важно уметь понимать себя, но делать это можно также по-разному.

Предугадывать свои реакции и эмоции – необходимое умение и для вашего же окружения. Это – познание неполное, но стоящее того. Главное познание заключается, как ни странно, в вопросе «зачем?».

Многие недооценивают его, предпочитая «почему?», «когда?», «что?», однако только в «зачем?» кроются цели, смыслы и прочее, к чему люди стремились и будут стремиться после нас. Бессмысленное занятие, разумеется, но и бессмысленность в наше время потеряла всякий смысл.

Сейчас же для большинства важно «как?». Смирившись с тем, что предназначение нам не познать, люди стали только довольствоваться собственными шансами – проживать, не спрашивая «зачем?».

Подобные ценности не противны мне. Я уважаю их и даже скорее советую. Явно не человек когда-либо ответит нам на все вопросы, но кто-то более властный и менее сентиментальный.

Мы все временами считаем своим долгом оправдаться, заслужить, доказать что-либо, ведь бездействие кажется самым жалким поступком. В течение долгих лет вы будете блуждать меж вопросами, теориями и гипотезами, однако и в конце признаете поражение. Это – самое достойное поражение из всех, ведь оно подтверждает истинный порядок вещей.

Вопреки тому, что мир наш познать нельзя, мы всё ещё в силах лицезреть чудеса за окном, поражаясь великолепной магии. Всё кажется волшебством, если ты не ведаешь, почему и зачем так происходит. В этом и есть своеобразный смысл.

Однако, как я уже успел упомянуть, нигилизм также в наше время теряет какую-либо ценность, посему я всё же стремился к познанию, забывая о мнимом достижении цели, но испытывая то, почему же она недостижима. Мои попытки не были наивны – напротив, я сам создавал себе суть там, где многие её теряют.

Наконец, избегая обречённость, я творил бесполезные вещи. Вернее, лишь с точки зрения победы они были бесполезными, но ведь и сам процесс, сама борьба ничуть не абсурдна. Я не гнался за мудростью ввиду как таковой её выдумки, но оттого не переставал читать, слушать и слышать. Результат не всегда определял значимость – важнее порой и участие. Так я и наблюдал различные явления, не ведая тому предела и итога, но замечая истинную ценность в проведённом над этим времени.

Познание людей всегда представлялось мне верным ключом к познанию мира. Хотя и вовсе не претендую я на то, что во всей вселенной мы лишь одни таковые, стремился я изучить поначалу только пространство мною видимое и знакомое.

Исследовал я человека разного. Приступая к очевидным отличиям, я заметил интерес больший в тех самых отличиях в людях на первый взгляд схожих. Меж возрастами, принципами и верами, я видел лишь сотни мелькающих передо мною лиц. Они все казались одинаково разными.

Те одно предпочитают, вторые – второе. Далее законы вы в силах сформулировать сами. Очевидным сразу выглядит то, что третий же обязательно не похож ни на первого, ни на второго. В этом они и идентичны: в том, насколько разные.

Заметив в людях подобия, я мигом углублялся в критерии прочие. Не могут ведь двое мыслить за одного? Здесь я обычно оказывался прав. Не в том, но в другом люди всегда

не договариваются. Так я открыл своё первое заключение.

В процессе изучения людей я счёл за аксиому то, что все уникальны, словно отпечатки пальцев. Я учил другие языки, дабы уметь говорить с прочими. Пользовались мы, конечно, одними словами, однако слышали и, что более важно, хотели слышать, – совершенно разное. Отсюда и все человеческие недопонимания.

Порой кажется, что мы совсем схожи. Предполагая, что видят люди один и тот же мир, слышат те звуки, что и я, выясняется, что и методы, и результаты познания должны быть едины для всех, но мне никогда не приходилось учитывать различность восприятия.

Хотя и никто не гарантирует нам факт непоколебимости внешнего мира, мы можем быть точно уверены в разнице внутренних. Приняв в качестве гипотезы то, что сторонние факты равны, я выявил огромное многообразие их видения.

Люди ладят, когда воспринимают мир приблизительно одинаково. Слово в глубине разума мы все иноязычны, хоть произношение слов порою совпадает.

Так и закончились мои всяческие попытки спасения. Я называл себя доктором в надежде помочь людям, но, осознав невыполнимость этого, мигом переименовал себя лишь в наблюдателя. Только и лицезрел я все вселенные, боясь даже к ним прикоснуться.

О проведённых мною терапиях я мог бы писать томами. Их было неопишное, бессмысленное множество. Будучи

чрезмерно упёртым, поначалу я не видел обречённости этих сеансов. Казалось, я мог победить.

Для каждого человека следовало бы придумать отдельное лекарство, язык, правила и всё надлежащее. Мы в силах познать лишь минимальные, примитивные черты, однако попытки задеть что-либо, помимо этого, завершатся провалом.

Довольствуясь всей ложью и лицемерием, какое мне ежедневно дарили люди, я начинал осознавать то, что преподаю враньё в первую очередь я самому себе.

Не смею судить, насколько верным будет собственноручно писать о своей сущности, пытаясь дать вам уверенность в достоверности моих слов; однако вы можете не сомневаться в том, что лгать в подобных темах было бы невыгодным и для меня, ибо весь посыл моих раздумий, а в вашем случае – наблюдений, направлен на поиск ответов в столь тонком вопросе, в коем сокрытие или искривление фактов – даже не бессмысленный поступок, а обратно направляющий. С другой стороны, быть может, бессмысленным будет не столь сей поступок, как моё расследование в целом, ведь понять самоубийство кого бы то ни было, кто не является тобой, намного проще ввиду незнания и даже обязанности незнания ситуации полностью, когда как свою жизнь разложить «от и до» я вправе, но не в силах.

Понять людей, понять их намерения и суждения – априори абсурдные словосочетания. Человеческий разум чересчур не изведен даже для ему подобных. Каждый из нас но-

сит под своей грудью целое звёздное небо: не одну, не две, а тысячи, миллионы душ. Какая же из них в ответе за тот или иной шаг? Какая доминирует сейчас, доминировала вчера и будет доминировать завтра?

Люди обижают себя, ограничивая свой внутренний мир не более, чем двумя сторонами. Чаще всего одна – светлая, девственно чистая, святая, божественная, «истинная», тогда как другая – тёмная, мрачная, дьявольская, грешная и ввиду этого постыдная. Во всей лжи, ругани, агрессии мы виним свою «тёмную сторону», будто мы носим в себе всё непростительное зло ада и скрываем облик демона. Мы боимся её, подавляем, избегаем, хотя и по итогу лишь рвёмся от самих себя.

Вы говорите, что принимаете, любите себя, имея в виду приятную внешность, манеры, характер, начитанность, мировоззрение и остальные поверхностные черты, однако вы никогда не подразумеваете своё зло. Вы не любите себя, когда мельком желаете кому бы то ни было смерти, когда вас душит жажда мести, одолевает эгоизм, тщеславие, гордыня, лицемерие и грубость, но вы обязаны любить и это, заявляя, что любите самих себя.

Мир содержит не только божественное, но и дьявольское: и свет, и мрак. Если любишь его – люби полностью, если ненавидишь – ненавидь целиком. Хотя и в ненависти мы намного устойчивее, чем в любви.

Мы все день за днём путаемся в беге к какой-либо мни-

мой цели, оставляя лишь осколки на своём пути. Смысл зачастую настолько лишает нас всякого шанса, что даже мысль о его постижении кажется абсурдной. Стоит ли потерять всего себя только ради возможного блаженства? Ведь утопично счастливы мы б были, имея гарантии на обещанный рай после миллионов провальных кругов ада.

Стоит, дорогие читатели, непременно стоит, ибо, разве что потратив все собственные способы и проиграв лотереи, мы можем с гордостью утверждать, что использовали все возможности, дабы быть причиной своих перемен. Утопично – не попробовать, а не рискнуть, но испытать неудачу.

Люди настолько погрязли в безысходности, бессилии перед судьбой, что не надеются на какой-либо хороший итог. В большинстве они склонны к фатализму, хотя и я зову это бездействием. Всё же куда проще винить что угодно, кого угодно, даже того, кто априори не обязан существовать. Человек обвиняет химию своей головы, свою сущность, строение и инстинкты, оправдывая это небольшой ролью перед масштабом вселенных.

Действительно, мы не уверены в наличии Бога, обитаемых планет и вообще в большей части законов природы. Даже свой собственный мир столь плохо изучен, что мы и не должны уверять себя в хотя бы малой доли мудрости. Люди ничего не знают о жизни, тогда что мы можем понимать в смерти?

Гибель никогда не означает конец. Он приходит задолго

до физической утраты, в момент, когда потери заключаются в целях. Нам кажется, что мы никак не можем найти выход. Запутавшись в способах, поигрывая сотни собственных революций, человек становится тем, кем боялся стать.

Десять лет назад вы пытались быть героем. Спустя время каетесь в том, что не сумели. Не уж то столь напрасны труды? Или, на самом-то деле, просто сменился ваш герой?

Одна из многочисленных сутей жизни и состоит в том, что своего идеала вам достичь не удастся. Происходит так не потому, что вы столь бессильны и безнадёжны, а потому, что идеал растёт вместе с вами. Зарождаются новые мечты, приоритеты и ценности, отторгая прежние, младшего возраста.

Также не получится себя полюбить. Причина не в худшей натуре, но в постоянном стремлении. Принять свои достижения в какой-либо момент – перестать учиться, расти и развиваться. Как прекрасно себя недооценивать! Ведь таким образом есть та самая высшая цена.

Процесс сего достижения люди и зовут жизнью. Пытаясь, разбиваясь, сожалея, мы однажды дойдём до своего пика, какой зачастую не соответствует ожиданиям. В подобной борьбе результат не столь важен. Важно – то, *что* мы делаем, чтобы стать теми, кем, на самом-то деле, не хотели стать.

II

– Дорогой Эспер, за столько лет ты по-прежнему не суме-

есть сыскать ту или иную причину для разочарований. Уверен, ты не сочтёшь за высокомерие мою надежду в собственной правоте, ибо, докажи ты мне своё актерство, я сам совсем опущу руки.

– Всё верно, – с улыбкой сказал я, – мне посчастливилось не изменить себе. Я всё так же бережен к своим слабостям и не отпускаю их. Не уж то ты в свою очередь похвалишься сменой власти своих принципов?

– Все мы обречены на подобные перемены, приятель, – с тоской посмеялся он. – К добру ли, людям обычно чуждо твоё единство. Время течёт, оно и лечит, и калечит: всё вместе и по отдельности. Оставаться в прежнем строю многим представляется, как конец жизни, другим – как её умиротворённая кульминация. Всё же лично мне приятно осознать, что хоть что-то в нашем с тобой мире неизменно. Твой взгляд, к примеру.

– Что ты имеешь в виду?

– Всё, что могу себе позволить: и глаза твои, и мировоззрение. К тебе возвращаться – то же, что и в отчий дом. Всё по-старому искренне и светло, скромно и уютно.

Пропустив лишь минутное молчание, казавшееся тогда целой вечностью, он, отведя резко поникнувший взгляд, добавил едва слышимым голосом:

– Я худшей завистью отношусь к твоему счастью от безумства. Хотя и, когда многие убивают себя своей печалью, ты не уступаешь им путём незнания.

– Уж не понимаю, что ты зовёшь незнанием. Никоим образом не стремлюсь я к смерти. Уверяли меня многие, будто я знаю больше некоторых стариков.

– Но живёшь так, будто вчера родился, – добавил он.

Сразу после сказанного собеседник мой неловко замолчал, и в глазах его читал я сожаления об озвученных словах. Я был уверен, что обвинения его неискренние и выдвинуты не с целью причинения зла, посему ответил:

– Да, Лемаль, я страдаю тем недугом, который люди зовут безрассудством, но, по-моему, это и есть высшее проявление рассудка, ведь смысл жизнь в том, чтоб его не искать.

В ответ мне он лишь рассмеялся. Наверняка Лемаль потешался моей глупостью, а я в свою очередь сей глупостью был доволен.

– Подобный ход мыслей заметно приукрашивает жизнь, имей в виду, – интригуяще сказал я.

– Я вдоволь наблюдаю это по тебе.

– Ведь так оно и есть! Разве ты замечаешь постоянно смеющийся вид из окна, различную интонацию музыкантов, день за днём играющих, казалось бы, одно и то же? Я лицезрю мелочи, довольствуюсь ими, но не рассуждаю о том, какой это по счёту сценарий, где же там сбилась матрица и сколько раз обезьяна пыталась созидать нашу вселенную.

– Это-то мне в тебе и нравится! Бесконечное восхищение! Хотя и, по сути, ты видишь тот же мир, что и самоубийцы.

– Здесь ты ошибаешься. Мы обитаем в совершенно раз-

ных мирах.

– Как же так? Вот они, за каждым углом!

– Верно, мы ходим по одной земле, дышим одним воздухом, имеем склонность болтать схожими словами, однако мой мир сильно отличен от принадлежащего им. Секрет в том, что я вижу лишь то, что хочу видеть.

– Так же, как и они?

– Разумеется, друг. Так же, как и они.

Уверен я был в том, что прошлое помню сам: я волен к счастью, встречаю его с широкими объятиями, не забывая о горестях, но считая их не последним уроком. Предпочитая подобный ход действий, однако, я чаще и чаще подвергался догадкам о собственных иллюзиях.

Люди видят худшие мысли кошмаром, хотя и в этом их истинный облик. Они бездумно бегут от самих себя, пытаясь себя иного найти, будучи порою не в силах разделять выбор и лишь желание того выбора.

Жажда добра и добродетель – отнюдь не схожие понятия. Играя роль святых, мы гордо заявляем, что сами избрали путь светлый, однако и заблуждаемся здесь в том, что предпочитаем, на самом-то деле, не свет, но отсутствие мрака.

Человек ненавидит себя, и в этом цель его. Он смеётся над прежним счастьем, считая его пылью, обрекая ценности на покой. Так тягостно в правду уверовать в солнце во всей окружающей мгле.

Не ведаю, делал я это или только желал так думать, но ведь и выбор говорит нам о том, что многое можно изменить одним отношением. Я выбрал счастье. Я выбрал свет. Мне действительно не хочется знать все законы и речи философов. Они навеяли бы тоску.

Простота многим кажется глупостью. Человек по их неисчислимым мнениям не достоин судьбы своей, не изучая, не познавая и не вкладывая. Я был таковым, но увидел здесь лишь заблуждения, ведущие к не менее лживым страданиям.

Сверхчеловек не являлся моим идолом. За многими школьными уроками литературы, затем за лекциями в университете о трудах Ницше и Эйлера я считал, что стремлюсь к какому-либо образованию. Знание теорем и их доказательств, однако, никогда не спасёт вам жизнь.

Я также достаточно читал: читал в надеждах, что сумею прожить несколько судеб и выбрать из всех для себя одну идеальную. К несчастью, она вышла лишь подобием моих прежних черновиков.

Я не научился жить. Ни из книг, ни из бесконечно повторяющихся нотаций и драматичных протестов. Казалось, я учу лишь теорию параллельного мира. Когда меня спрашивали: «Дорогой, славный Эспер! Для чего же все наши страдания?», я без доли раздумий уверял их: «Вскоре всё встанет на свои места». С течением времени я осознал, что ничего из моих прежних наставлений не являлось правдой. По крайней мере, в обыденных реалиях подобное не работает

безукоризненно.

Ложь одолевала меня. Оказалось, я и не был человеком, приближённым к мудрости, но только в моменты мне чудилось, что всё это имеет толк. Я бессовестно обманывал людей. Хотя и должен ли я спасать абсолютно всех?

Иллюзии разрушали мой ранее трезвый мир. Правда обернулась лицемерием, а долгие годы попыток для значимости впредь виделись бессмысленной тратой времени.

Я был столь глуп и оттого сбегал с ума. Какой же из меня герой, если я не умею спасать даже самого себя? Люди благодарили меня, говорили, что я здорово им помог. Это ложь, но пока они этого не знают. Разве кто из них поможет теперь мне?

«Познать мир невозможно!», – говорил я день ото дня, – «Вы все убиваете себя в поиске ответов, но после расклетесь в том, что их отсутствие убило вас больше всего прочего!».

Злость на гуманитарность мира парализовала меня. Он действительно не подчинялся никаким законам. Всё это не под силу осознать, принять обычному человеку, а потому и существование наше заранее обречено.

Здесь я вспомнил слова отца: «Жизнь подвластна лишь одному твоему желанию». Тогда началось возрождение.

Я долгие годы плутал в вопросе судьбы и выбора. Предрешено ли бытие? Является ли оно чистым холстом творца? Имеют ли значение мои решения или вся жизнь – продуманный ход действий?

Кажется, желанный вами вариант ответа – и есть результат выбора. Фатализм и волюнтаризм – лишь предпочтения, однако яро ли вы уверены в том, что сей выбор не был, на самом деле, вашей судьбой?

По подобной безысходности я и перестал быть учителем. В итогах пройденной жизни я оказался ребёнком, не смыслящим самого главного: что определяет мой путь. Из бессмысленной суматохи нужно было искать выход. Я вынужден был сделать выбор.

Обвинять ли мне себя или некую «судьбу» во всех неудачах? Взять ответственность или навсегда её лишиться?

Я зарядил пистолет. Без пуль. Тогда я и предпочёл верить в собственную волю.

Меня не пугали мысли об обмане. Даже в случае, где сей выбор не был моим, но чьим-то ещё, я ясно осознавал, что совсем ничего не смогу с этим поделать. Единственный раз я поклялся не винить себя за принятое решение. Отныне я властен, и, поверьте, заблуждение того ещё ярче раздувало пожар.

Порой я представлял себя Богом, создающим миры ради себя самого. Я пробуждал их щелчком пальца, воображая то полную мглы вселенную, то бесконечную радугу меж облаков. Мне нравилось быть тем художником, что сам выбирает своё бытие, свои взгляды и мировоззрение.

Творил я верой. Я не страдал личностными расстройствами, ввиду которых видел несуществующие миры: я только

лицезрел одни и те же картины в разных красках.

Хотелось мне побыть жертвой, жалующейся и пишущей романсы – я был ей. Желал я быть гением, птицей и Богом, великим мудрецом, разрывающимся о своих принципах – я столь же искренне играл и эту роль.

Меня не устраивали человеческие домыслы о великом творце, создавшем всё и вся. Принимая то, что внутри всякого из нас химия, королева наук и поведения, я ещё настойчивее пытался понять ходы её реакций.

Склонялся я больше к энергии, так называемым «ракурсам» [точкам зрения] и собственным выборам. Разумеется, оттолкнуться от чувств, унижить их перед разумом было нелёгкой задачей. Я всё ещё был человеком – тем ходячим, больным телом, что плакало, скулило и выло от мелодрам, однако и я научился над ними смеяться.

Несовместимые с жизнью мечты мои порождали столь мощный двигатель, что я лишь бежал от одной цели к другой, сожалея о том, что не сумею выполнить их всех за нехваткой времени. Я бы только творил и жил, вечно прощал, продлевал моменты радости, громко пел и писал этюды. Век не удалось бы найти того, кто посмел бы обогнать меня в сей гонке.

Уверен, не придётся рассказывать вам о смысле моей жизни, ведь он заключался в том, что я совсем перестал его искать. Я запутался в попытках, разных способах, реваншах и достаточно проиграл своих собственных революций, но с

первого до последнего дня всё, что я видел перед тем, как уснуть – это надежда.

Надежда – не сестра фатализма. Здесь я надеялся не на расположение судьбы, но на собственные силы. Я мечтал одолеть начатую игру.

Определив власть выбора, я нацелился на подсознание. Разумеется, не одним лишь возгласом меняется мир вокруг человека, но тот влияет на окружение сам путём долгой, неоправданной веры. Я, казалось, выбирал, но выбирал ли мой разум?

Предпочтение волюнтаризма никогда не было удачей. Придаёт сил то, что надеешься ты лишь на собственную поддержку, однако и всякий проступок – непременно твой личный проигрыш. Ты думаешь, что решаешь сам, тогда зачем выбрал *это*?

«Время лечит», – бездумно пел я долгие годы. Мне чудилось, будто оно уносит с собой, позволяет забыть; но ведь одно его течение не сумеет стать лекарством. Тогда я искал терапию в своей голове.

Мне легче в крайностях было перед другими винить себя. «Ведь я, на самом-то деле, не виновен», – ошибался я раз за разом, ибо думал, что имею на то право.

Я не хочу болеть оттого, что мне больно. Человек не должен заливать книгу кислотой, когда может вырвать оттуда лишь один лист. Моя книга сгорала, но надежда не уставала шептать: «Из пепла вновь зародится жизнь».

Выбор и награждал, и корил меня. Все действия отныне лежали на моей ответственности. Я не прекращал улыбаться. Пускай же будет и свет, и тьма!

Что-то во мне стремилось принять невзгоды. Раньше я видел их препятствием, запущенной опухолью, однако с тех пор я решил любить это, а не убивать. Бесконечные ошибки привели меня к тому, что я стал ими гордиться. Пустил бы я на одну слезу меньше – быть может, не сумел бы признать все остальные.

Мои крылья перестали прятаться. Я был благодарен то ли себе, то ли судьбе, что такой выбор состоялся. Отпустив прежние познания, ведущие к мукам, я наслаждался неведением. Пускай мир обречённо исследуется дальше, я же спою реквием на ваших похоронах!

Горести я всё так же помнил и хранил, наконец покончив с их отрицанием. «Всё это действительно было, Эспер», – говорю сам себе я. «Но все победы затмят тысячи поражений», – мечтал я, чтоб сказал мне это кто-нибудь ещё.

Давно осточертел уже белый поднятый флаг. Я не сдаюсь! Я буду бороться! Я *хочу* бороться!

Любовь подарила мне весь мир. Увы, я так и не нашёл той светлой, мудрой женщины, какая разделит со мной мой путь. Мне и не нужна была великая церемония, белая фата и сотни незнакомых приглашённых гостей. Мне вообще не нужны были люди.

В былое время я цеплялся за них жёсткой хваткой, кричал

о своих законах и молил навеки остаться. Случалось так, что уходил всегда я: уходил не потому, что не желал боле жить этим, а потому, что, живя, я только и уходил от себя. Избыток любви всегда обещает её скорую гибель. Так я и отдалялся, всей душой мечтая остаться ещё хотя бы на пару минут.

Меня не привлекала смерть, но куда боле я надеялся прожить назначенное достойно. Потому и я, несмотря на нескончаемую череду ошибок, гнался совершать их одну за другой. Я был идиотом, но идиотом, желавшим жить.

Боль не ушла с моей памяти. Моё бытие ныне длилось не ею, но из-за неё. Пускай я и достаточно винил самого себя за содеянное и несовершённое, я так же верил, что обвиню себя куда хуже, но теперь во имя чего-либо грандиозного.

Потому, что я выбирал *жить*, дорогие читатели. Вопреки и благодаря всему.

Каждый вдох приобретал новые краски, каждая человеческая улыбка впредь имела для меня значение. Природа ещё никогда не была столь прекрасна. Почему же я не замечал этого раньше?

Я готов был работать, умирать и воевать, дабы спасти весь мир. Он ведь настолько верит в собственную обречённость, что не сумеет даже поднять глаз! Всё выглядит прелестью, если только искренне захотеть видеть это так.

Всё вокруг казалось иным. Птицы поют песни о счастье, листья спадают, чтобы позже вырасти вновь, незнакомец убивает себя, чтобы его дети были лучше, чем он. Мир по-

лон жизни, а не смерти. Здесь люди мечтают о лучшем.

Засыпая, я воплощал фантазии. Во снах не лицезрел я заблуждений, но считал их не менее истинными, чем существование вне. Творчество способствовало мне, и я просыпался, понимая, что грёзы бытуют всюду.

День за днём были сказкой. В моих мыслях даже не мелькал обман. Сия ложь сладка, и я бы отдал всё, лишь бы не жить без неё – без моей прекрасной, живой лжи.

Я творил и раздавал чудеса. Даже дождь не потушил бы мой горящий факел. Не ведаю, в чём причина столь мгновенного изменения. Предположу, что дело в моей ранее не осуществлённой цели. Я желал этого так долго, что, осознав возможность, сразу вернулся в родной дом.

Если это – фальшь, я хочу жить в ней вечно. Здесь моя правда.

Причины, по каким я мог бы выбрать иной путь, не отпустили меня. Мне всё так же казалось, что в моей власти все права сгнить во мраке и подлости. Думая об этом, я только пуще гнался в бой. Ничего, кроме тьмы, не вдохновляло меня творить так сильно. Я не хотел умирать и делал всё, дабы погибнуть в собственной постели с исполнившимися мечтами. Сожаления разрушали. Вина калечила. Свет подавал надежды.

В один из дней я создал рай в обыкновенном уличном закоулке. Люди не искали никого, даже звуки едва ли добирались. Я никогда не видел большей пустоты.

Вскоре эта пустота стала для меня домом. Царили лишь мои собственные мысли и идеи. Чистота сего места особо завораживала. Ни один не навевал грязные разговоры и сплетни, лицемерие и обман. Я выбрал зародить счастье и быть в нём когда угодно. Без прочих лиц и целей. Без разврата и мнений о давно наболевшем.

– Я заметил, вы часто приходите сюда, – вдруг сказал мне незнакомец.

Опешив, я не осознавал, где нахожусь, будто меня только разбудили из многолетней спячки.

– Вы правы, мистер, – закончил я фразу вопросительно, пытаюсь вывести имя собеседника.

– Довольно имён, вам это ни к чему, однако я уже многое успел узнать о вас.

– Что же?

– Не ведаю, *что* вы находите. Здесь пусто: ни звуков, ни даже запахов. Такое любят то ли одиночки, то ли настоящие творцы.

– Что вы! Во мне сочетается это всё.

– Знаю, – пропустив паузу, – ведь это одно и то же.

Он ушёл, а я, вопреки осуждаемому мною фатализму, решил, что этот минутный разговор был судьбоносным. Одиночки и творцы – одно и то же? Что за безумие?

Дорогие читатели, вы не впадаете в муки, зная, насколько всё-таки одиноки?

Однако, будь оно так, спешу вас заверить, что одиноки мы все. Само по себе одиночество – не проблема бедных, идиотов и гениев. Оно – неизбежное испытание каждого, далёкое от своего привычного толкования в качестве «несчастливого», «необычного» случая. Различается одиночество лишь тем, одни вы в пустом доме или сердцем, ведь порой наедине с собой мы как можно менее одиноки.

Обычно я причисляю к дуракам тех, кто этого уединения избегает. Разве может не придавать наслаждения компания достойного человека? Я отнюдь не подразумеваю возведение вокруг себя стен, намеренное, ограничивающее одиночество – то, где мы скалимся на прохожих и начинаем разговаривать на выдуманном языке. Я имею в виду единство души, не распространяющееся ни на кого постороннего – спокойствие, истинность и искренность. Намного более счастливым я ощущаю себя в окружающем меня покое, чем в скоплении людей, и не вижу в таком признании ни капли повода для жалости.

Пустота не лжёт, не предаёт и не осуждает, ибо, будь это игнорирование общества или предпочтение ему общества сотен своих личностей, она сводит нас к первородному, настоящему началу – к уединению. Разве что так мы в силах найти ответы на все гложащие нас вопросы.

Одиночество не о боли, не о тоске и страданиях [хотя,

быть может, об их последствиях]. Оно стирает границы, снимает маски и выводит парад душ на карнавал. Какими бы вы ни были безумными и сумасшедшими, искренне принять это сумеете лишь вы и вакуум вокруг вас. Проблема в том, что мы всё-таки стали безумными, ведь одиночество явно никогда не любят от большой радости.

Одиночество означает не бег к мукам, но бег от них вокруг этого одиночества. Вы – либо непризнанный гений, не понятый всеми, либо тот, кому есть, чего опасаться снаружи, раз уж решились предпринять подобные меры. Дом – не четыре стены, но люди рядом или внутри вас, ибо часто мы сами себе отчее гнездо.

Я выбирал оставаться один, имея в арсенале на то тысячи причин, в числе которых и избегание общества вокруг, и предпочтение общества внутри. Мне не было досадно, не было паршиво: я выбирал это, зная, что лишь во мраке сумею лицезреть звёзды. Незыблемая моя надежда всё ещё искала выход, хотя и не было понятно, к чему он мог привести.

Глубочайше извиняюсь я перед теми критиками, для которых серьёзной проблемой является сокрытие всего списка моих причин «почему». Не столь ведь важно знать, что послужило поводом. Моя история была б похожа на перечень дат и имён, не имеющих для вас никакого смысла. Предположки не послужили бы ничем, кроме страшных историй одного ребёнка, какого вы никогда не имели несчастье знать. Хотя и так трудно вам придётся о моём прошлом помечтать?

Мне было больно всю сознательную жизнь, но в этом не видел я обречённости. Казалось это лишь вдохновением для пушщего развития. У меня была вера и надежда в непреднамеренность бытия, в том числе и его жестокости. Я знал, что разорву горы и сотру кулаки в песок, дабы обеспечить себе светлый финал.

В этом были мои правила жизни: райский путь, мне предназначенный, и сладкая цель, какую я заслуживаю. Совсем не взирал я на прошлое, а лишь считал его причинами своей нынешней силы. Ввиду прежних мук я видел достоинство перед счастьем, верил, что стою его и непременно получу.

Разумеется, вера моя подтверждалась поступками. Я дарил цветы прохожим, подписывал благотворительные чеки и довольствовался своей хоть и малой ролью в жизни окружения. Улыбаясь, приветливо общаясь с каждым невзрачным рядом лицом, я чувствовал себя ангелом, купидоном – кем угодно, кто отражает свет с небес на тёмную часть Земли.

Подпевая уличным музыкантам, танцуя с неописуемо красивыми девушками, оставляя огромные чаевые, я позволял своей душе петь. Я действительно ощущал себя Богом, пытался спасти в людях то, от чего сам в былое время страдал. Меньше всего мечтал я о том, что хоть раз замечу свой опыт в чужих глазах. Мне бы пришлось метать, кричать и приказывать, дабы предостеречь невинного от худшего сценария. Так ведь и поступают ангелы?

Движущей во мне силой была жажда помочь каждому. Я

не был добровольным учителем, а лишь желал спасти тех, кто считает, что выхода нет. Все мы порой принимаем это за истину, но главное – вовремя понять её заблуждение.

Эгоизм в жизни проявляется нежеланием делиться полученными знаниями. Хотя и часто они вовсе не универсальны, даже теория, отдалённая от практики, даёт возможность взглянуть на всё издалека.

Погрязнув в мечтах, я всё же вернулся к первобытному своему состоянию. Будучи одним среди толпы, я не находил ничего, кроме единственно принимающего меня уединения. Оно не осуждает, не лжёт и не вынуждает ошибаться. Здесь я чувствовал наивысшее своё превосходство.

Выдумывая разнообразные вселенные, казалось, я заменял реальность. Под всеми эмоциями от снов стремился я приучить к ним мир за окном. Мне приходилось заблуждаться в осознании невозможности этого. Люди живут привычно для себя в восприятии, поглощающем уже многие поколения. Вне зависимости от течения времени внутренне человек никогда не меняется.

Мы лишь ошибаемся ровно так же, как и эпохи до нас, оправдывая это то ли единственным в нас общим человеческим началом, то ли бездействием. Так годы сменяют друг друга лишь в аспекте чисел.

Одиноким людям успешнее своим наблюдением. Якобы проживая жизнь за жизнью, мы наивно уверены в том, что теорией своей знаем больше прочих; однако и суть жизни

заметить внешне невозможно, да и чувствами мы ни на кого ввек похожи не будем. Отречённый от общества человек лишь видит многие проявления поведения, реакций и восприятия. Он считает их правилами контакта с людьми. Замечая мелочи, он бережёт их непонятно для какого будущего.

Одиночество также страшно мнимой объективностью. Существование только в собственном мнении обрекает на потерю самого себя. Сходить с ума ведь легче, когда на это никто не может повлиять. Никто не заметит разложения, не протянет уважительную руку помощи. Ты видишь себя правильным, путаясь в личностях внутри, забывая о том, у какой из них какой совет просил. Тебя называют безумцем, если ты предпочитаешь себя, обуславливая это худшим, наименее интересным выбором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.